

УДК 372.8

ПАМЯТИ ПЕДАГОГА

*Васильева М. А.*¹

¹ Академия Русского балета имени А. Я. Вагановой, ул. Зодчего Росси, д. 2, Санкт-Петербург, 191023, Россия.

Данная статья посвящается Вере Сергеевне Костровицкой (1906–1979) — замечательному педагогу, выдающемуся методисту, книги которой составляют золотой фонд по методике классического танца. Ее «Школа классического танца» и «100 уроков классического танца» стали учебниками для всех хореографических школ. Человек, переживший войну и блокаду, сохранил себя как Личность, и об этом хочется вспомнить.

Ключевые слова: классический танец, методика преподавания классического танца, В. С. Костровицкая.

IN MEMORIAM TO THE TEACHER

*Vasilieva M. A.*¹

¹ Vaganova Ballet Academy, 2, Zodchego Rossi St., Saint Petersburg, 191023, Russian Federation.

This article is dedicated to Vera Kostrovitskaya (1906–1979), who was a wonderful teacher, an outstanding training specialist, whose books make up the treasure trove of classical dance method. Her books «School of Classical Dance» and «100 lessons of Classical Dance» became manuals for all choreographic schools. A person who survived the war and the siege in Leningrad, preserved herself as a person, and it should be remembered.

Keywords: Classical Dance, Classical Dance Teaching Method, Vera Kostrovitskaya.

Вера Сергеевна Костровицкая. Ее имя широко известно в балетном мире, а ее книги «Школа классического танца» и «100 уроков классического танца» стали учебниками для всех хореографических школ России и других стран.

Известный итальянский танцовщик и педагог Риккардо Риккардо перевел на итальянский язык «Методику связующих движений» (“Temps lié”), и в 2018 году я имела честь представлять эту книгу во Флоренции во время традиционного Show Dance Event “Danzainfiera”.

Несколько лет тому назад мне довелось оказаться в Монте-Карло. Гуляя по этому обворожительному городу, я вдруг увидела на доме мемориальную доску: «Здесь жил Гийом Аполлинер Вильгельм Костровицкий».

Господи! Ведь наша Вера Сергеевна была в родстве с этим знаменитым поэтом, только в то время об этом не говорили. И на душе вдруг стало тепло, как будто я встретила близкого друга.

Вера Сергеевна родилась в 1906 году в дворянской семье. В Театральном училище училась в классе Н. Ф. Романовой, О. О. Преображенской и, конечно, — у А. Я. Вагановой, ассистентом которой она впоследствии стала.

Окончив Театральное училище, Вера Сергеевна была принята в Мариинский театр. В 1923 году Баланчин (Баланчивадзе) создал группу энтузиастов «Молодой балет». Вместе с А. Даниловой, В. Вайноненом, Л. Лавровским Костровицкая принимала участие в концертах, программа которых была составлена Баланчиным. Но, к сожалению, здоровье не позволило Вере Сергеевне продолжать исполнительскую карьеру, и она начала преподавать.

В 1939 году под руководством А. Я. Вагановой Вера Сергеевна закончила педагогическое отделение Государственного хореографического техникума, вела семинары, читала лекции по методике на педагогических курсах консерватории. «Острый ум и меткий глаз у Веры Сергеевны», — говорила о ней Ваганова [1, с. 26].

Всю блокаду Вера Сергеевна провела в Ленинграде. Участвовала во фронтовых бригадах, вместе с ребятами выступала в госпиталях: «240 концертов отплясали вперемежку с дежурствами в течение сентября, октября и ноября 1941 года» [2]. Совместно с педагогами Л. И. Ярмолович и А. П. Бажаевой в 1942 году она осуществила прием, набор детей в балетную студию Дворца пионеров.

Духовный облик Веры Сергеевны раскрывается на основе ее блокадного дневника. Честь, щепетильность и милосердие — эти три нравственных качества неразрывно связаны между собой. Вера Сергеевна не просто выжила в блокаду, она проявила высокое достоинство и безупречное благородство, ее поведение, по меркам того ужасного времени, можно обозначить понятием «героизм». Перед нами предстает облик изящной женщины, талантливого человека, неожиданно оказавшегося в экстремальной ситуации.

Однако там, где многие, даже сильные люди, теряли человеческий облик, Костровицкая сохранила себя как личность. Высокие нравственные эталоны, чувство собственного достоинства в первую очередь — именно они давали ей внутреннюю опору в тяжелые годы блокады.

Замечательный педагог, выдающийся методист Вера Сергеевна, к сожалению, мало известна как личность: сдержанная в выражении своих эмоций, не всеми любимая, подчас несправедливо оцененная своими коллегами... Не-

смотря на успешную деятельность преподавателя и опубликованные методические труды, являющиеся неотъемлемой частью классического балетного образования, ей доверили только два выпуска учащихся. Наш долг сохранить память о ней. Человек высокой культуры, Костровицкая одновременно и Личность с большой буквы.

Впервые мы увидели Веру Сергеевну, когда учились в 3-м классе у Е. П. Снетковой-Вечесловой. Шел урок, «3-й низ», печка. Вдруг открывается дверь, и в класс входят А. Я. Ваганова и В. С. Костровицкая. Стало очень страшно. Они посидели минут двадцать, затем Агриппина Яковлевна подождала меня, спросила, как зовут, и сказала: «Расти скорей! Возьму тебя к себе в класс». Но вскоре ее не стало, а мы через два года попали к Вере Сергеевне.

В класс вошла изящная, стройная женщина с большими голубыми глазами, от которых веяло сдержанностью и даже холодком. Дисциплина на уроке была «железная». Опоздать нельзя было ни на минуту. И даже если после очередной контрольной мы бежали на классику и пытались войти в зал за Верой Сергеевной, то со словами «Здесь не клуб!» дверь перед нами она закрывала. Но постепенно всё наладилось, и мы погрузились в учебный процесс постижения профессии.

Прошло столько лет, но до сих пор перед глазами стоит ее Показ. Длинные ноги с огромным подъемом, красивые руки, которые бережно и плавно переходят из одной позиции в другую, демонстрируя гармонию и одухотворенность. Всё было строго и академично. Вера Сергеевна не терпела красоты, псевдотанцевальности и называла это дурным вкусом.

К урокам она всегда тщательно готовилась: на рояле лежала тетрадь с записями продуманных комбинаций, каждая из которых преследовала определенную цель. Показывала на середине комбинации дважды. Первый раз — подробно просчитывая и объясняя каждое движение, второй — бегло (для памяти). Вера Сергеевна была очень музыкальна; любила композиторов-романтиков: Шопена, Грига, Сибелиуса. У нас был очень хороший концертмейстер М. Полтавцева, с которой Вера Сергеевна работала много лет. Мы знали, где заканчивалась первая музыкальная фраза, когда начинается вторая, или вообще комбинация составлялась на 1,5 музыкальной фразы. От нас четко требовалось исполнять каждую 1/4, 1/8 или 1/16 долю такта, так как это тоже техника танца, которой мы владели.

Экзерсис у палки был нацелен на выработку силы ног и выносливости. Очень много времени Вера Сергеевна уделяла постановке корпуса, подтянутости бедер и особенно поясницы, которую она называла «балетной спиной».

Нас учили приемам, а не занимательным комбинациям. Мы знали, чем и как можно помочь себе правильно сделать то или иное движение, какие мышцы напрячь, а какие расслабить. Особенно хорошо нас научили пры-

гать, ловить ощущение толчка и мягкого приземления. Стучать было категорически нельзя; можно было вылететь из класса в предусмотрительно открытую дверь.

Самым большим наказанием было, когда тебе не делали замечаний. Это могло продолжаться несколько дней, а то и неделю. Вернуть, заслужить расположение педагога надо было необыкновенным старанием и вниманием.

Большое внимание уделялось маленьким и средним прыжкам. Считалось, что, владея этим разделом *allegro*, ты владеешь «школой». Много было за носок, и не только в конце урока, как это делают теперь, — а *entrechat-quatre, royale, entrechat-six* вставлялись во все комбинации *allegro*.

Большие прыжки мы долго учили «с места», с *coupé*, «с шага», а уже потом с *glissade, pas coupé* и с *chassé*. Это-то и вырабатывало толчок. Ощущение мышечного напряжения ног, подтянутости бедер и ягодичных мышц позволяет исполнить прыжок не только в высоту, но и в длину, устремляясь подтянутым корпусом за бросковой ногой.

«Пальцы» в выпускном классе мы делали три раза в неделю. Большое внимание уделялось точному попаданию на ногу за счет подтянутости бедер. Вера Сергеевна добивалась устойчивости на пальцах, вырабатывала апломб.

Что касается «верчения», то оно не было самоцелью (но учила она ему методически безупречно). Вера Сергеевна считала, что 32 *fouetté* — это трюк: «Если нужно будет, вы его сделаете». Важно было уметь выполнить 16 *fouetté* точно, на одном месте, выворотном, в хорошей классической форме.

В наше время техника, конечно, ушла вперед. Двойные туры, 32 *fouetté*, различные вращения по диагонали и по кругу стали нормой, но порой теряется форма вращения. Плохие руки, недостаточно выворотные ноги, нарушается классическая форма... И тогда хочется воскликнуть: «Не надо! Пусть будет один *tour* чисто, а не три кое-как».

Вера Сергеевна иногда соединяла маленькие прыжки с пальцевыми комбинациями; считала, что это очень полезно. Она часто давала нам отрывки из классических вариаций старинных балетов, полагая, что изучать наследие необходимо.

Большой радостью для меня была работа с Р. Нуриевым над *pas de deux* из 2-го акта балета «Жизель». Вера Сергеевна преклонялась перед О. Спесивцевой, фотография которой в роли Жизель висела у нее дома. Репетируя со мной, Вера Сергеевна старалась выявить и подчеркнуть мою индивидуальность, и удачно прошедший концерт принес большое удовлетворение от проделанной работы. Ведь это было счастье, что еще ученицей мне удалось прикоснуться к Жизели — мечте многих и многих балерин.

Вера Сергеевна была действительно незаурядным человеком. Она любила природу, тонко ее чувствовала и хорошо рисовала. У нее были прелестные на-

тюморты; ее букеты полевых цветов так и стоят у меня перед глазами. Если на уроках Вера Сергеевна была очень строгой и даже жесткой, то вне класса она бывала и нежной, и заботливой.

Зная, что Люся Шарыпина, очень худенькая девочка, жила трудно, Вера Сергеевна приносила ей бутерброды, чтобы как-то поддержать. Хорошо помню, что когда я заболела, то открыв глаза, я увидела перед собой Веру Сергеевну, которая говорила мне: «Поправляйся, поправляйся, всё будет хорошо». Она могла даже извиниться перед ученицей, если понимала, что в своей строгости была неправа.

Я неоднократно бывала у Веры Сергеевны дома, и меня всегда поражали взаимоотношения между ней и ее матерью Надеждой Львовной (в прошлом тоже артисткой). Они были единым целым: «Мамочка — Верочка; Верочка — мамочка». То трудное послевоенное время, когда так мало было радости, каждая ягодка, каждая конфетка — всё делилось пополам. И это было так естественно, так органично для этих людей, переживших войну и блокаду и сохранивших себя как Личности.

Провожая Веру Сергеевну в последний путь, я дала себе слово, что буду продолжать ее дело по мере сил и способностей. Ведь она как бы благословила меня, придя на мой первый педагогический экзамен, написав мне накануне: «Я приду и буду защищать тебя».

Хотелось бы пожелать будущим педагогам и репетитором читать и изучать книги. Они писались для вас! Ведь часто бывает, что новое — это хорошо забытое старое. Низкий поклон Вам, дорогие наши учителя, и благодарность за то, что Вы были.

ЛИТЕРАТУРА

1. Красовская В. М. Две жизни Вагановой // Нева. 1985. № 10. С. 26–76.
2. Костровицкая В. С. Воспоминания о блокаде // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р–157. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 2.

REFERENCES

1. Krasovskaya V. M. Dve zhizni Vaganovoj // Neva. 1985. № 10. S. 26–76.
2. Kostroviczskaya V. S. Vospominaniya o blokade // CzGALI SPb. F. R–157. Op. 1. Ed. hr. 27. L. 2.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Васильева М. А. — проф., Заслуженный деятель искусств РФ;
avas7812@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vasilieva M. A. — Prof., The Honored Art Worker of Russian Federation;
avas7812@gmail.com